
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Русская литература

УДК 821.161.1

DOI: 10.31249/lit/2024.01.07

МИЛЛИОНЩИКОВА Т.М.¹ АМЕРИКАНСКАЯ СЛАВИСТИКА
О М.М. ПРИШВИНЕ

Аннотация. В статье внимание сосредоточено на биографии, мировоззрении и творчестве М.М. Пришвина в рецепции славистов США. Исследуется жанровое своеобразие календарной прозы Пришвина, созданной в ранний период его творчества. В широком общественно-политическом и историко-культурном контексте первой половины XX в. анализируются дневники, которые Пришвин вел на протяжении всей жизни. Особое внимание уделяется дневниковым записям, в которых зафиксированы сновидения писателя.

Ключевые слова: М.М. Пришвин; славистические исследования США; календарная проза; мифологизированное восприятие действительности; политический контекст; биография писателя; дневниковые записи; сны.

Для цитирования: Миллионщикова Т.М. Американская славистика о М.М. Пришвине // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7: Литературоведение. – 2024. – № 1. – С. 136–145. – DOI: 10.31249/lit/2024.01.07

MILLIONSHCHIKOVA T.M.² American Slavic studies on
M.M. Prishvin

---

¹ Миллионщикова Татьяна Михайловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела литературоведения ИНИОН РАН; millionshchikova14@mail.ru

² Millionshchikova Tatiana Mikhailovna – Candidate in Philology, Senior Researcher of the Department of Literary Studies, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; millionshchikova14@mail.ru

Abstract. The article focuses on the biography, worldview and creativity of M.M. Prishvin in reception of American Slavists (USA). The genre originality of Prishvin's calendar prose, created in the early period of his work, is explored. The diaries that the writer kept throughout his life are analyzed in the broad socio-political and historical-cultural context of the first half of the twentieth century. Particular attention is paid to the diary entries recording the writer's dreams.

Keywords: M. Prishvin; American Slavic studies; calendar prose; mythological perception of the world; political context; biography of the writer; diaries; dreams.

To cite this article: Millionshchikova, Tatiana M. "American Slavic studies on M.M. Prishvin", Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies, no. 1, 2024, pp. 136–145. DOI: 10.31249/lit/2024.01.07 (In Russian)

Цель данной статьи – рассмотреть в иной национальной среде, в славистических исследованиях США, особенности восприятия творчества Михаила Михайловича Пришвина (1873–1954), выразившего в своих произведениях национальное самосознание русского человека.

Свой первый рассказ «Сашок» Пришвин опубликовал в 1906 г. в журнале «Родник», затронув в нем тему единства человека и природы, к которой обращался на протяжении всего творческого пути. Увлекавшийся этнографией и устным поэтическим творчеством, Пришвин во время путешествий по Олонецкой губернии и Лапландии записывал древние сказы северных народов, которые позднее опубликовал в сборниках путевых заметок «В краю непуганых птиц» (1907) и «За волшебным колобком» (1908).

Интерес русских философов, теологов, писателей и поэтов к архаике, по мнению американского слависта Джеймса Хедли Биллингтона (James Hadley Billington), обусловлен тем обстоятельством, что последователи православия (в отличие от приверженцев протестантизма) отождествляют Бога не со словами Библии, а с языческими и календарными обрядами. Из Священного Писания им знакомы лишь псалмы и те отрывки из Пророческих книг и Нового Завета, которые зачитываются во время богослужений. Некоторые ортодоксы даже объявили Библию «светской книгой», по-

сколько в ней якобы содержится много чисто «светских» историй, а также потому, что своим появлением в России она обязана «хитрым» печатным станкам «составленным западных славян» [Биллингтон, 2001, с. 456].

Благодаря своим первым публикациям Пришвин приобрел известность в литературных кругах петербургских символистов – А. Ремизова, З. Гиппиус, Д. Мережковского, Вяч. Иванова, А. Блока, положительно отзывавшихся о его творчестве. В советскую эпоху связи с символистами привели к резкой критике Пришвина со стороны официального литературоведения, обвинившего его в мифопоэтическом восприятии реальности и «бегстве в природу» (И. Соколов-Микитов, А. Платонов, А. Твардовский, О. Волков).

В сознании русского народа традиции язычества оказались долговечными: на рубеже XIX–XX вв. мировоззрение, уходящее корнями в мифологизацию, было присуще Вл. Соловьёву, Н. Фёдорову, П. Флоренскому, В. Розанову, Д. Мережковскому, Н. Бердяеву, С. Булгакову, М. Пришвину, отмечает почетный профессор Университета в Олбани Хенрик Баран (Henryk Baran).

В статье «Дореволюционная праздничная литература и русский модернизм» он рассматривает Пришвина в ряду писателей, обратившихся в начале XX в. к «календарному» жанру – «святочным» и «пасхальным» рассказам [Баран, 1993].

С точки зрения Х. Барана, поиск примирения ценностей традиционного общества с последствиями развития цивилизации обусловил в произведениях писателей Серебряного века размытость граней потустороннего и реального миров, создавшую «иллюзию чуда» [Баран, 1993, с. 302]. Праздничный текст подготавливал читателя к неожиданным поворотам событий.

Исследователь констатирует: в праздничных номерах и специальных выпусках журналов на одних страницах с модернистами – Ф. Сологубом, Вяч. Ивановым, М. Кузминым выступали Л. Толстой, А. Куприн, М. Горький, И. Бунин, Д. Мамин-Сибиряк и новые, еще не известные читателю, «молодые таланты» преимущественно реалистического направления, испытавшие влияние модернистской эстетики или обратившиеся к какой-либо другой традиции, прежде всего сказовой, – И. Шмелёв, Б. Зайцев, Н. Тэффи и Пришвин [Баран, 1993, с. 317].

Писатели реалистического направления, как и модернисты, значительно расширили жанровые границы календарного рассказа. В рождественской и пасхальной прессе начала XX в. обнаруживается множество произведений, интересных по замыслу и лишь отчасти отвечающих праздничной традиции.

Анализируя рассказы Пришвина: «Крутоярский зверь» (1911), «Птичье кладбище» (1911), «Бабья лужа» (1912), составившие цикл «Старые рассказы», исследователь отмечает, что в них сказывается влияние литературной обстановки после 1905 г. с некоторым налетом мистицизма и «поэтизации непостижимого». В рассказе «Бабья лужа» «в достаточной мере» представлены «фантастика, юмор и чудачества», позволяя отнести этот текст к жанру святочного рассказа, что, впрочем, не заглушает писательского интереса к обыденному, индивидуальному и конкретному [Баран, 1993, с. 318]. Финал рассказа символичен: служивший в бедном сельском приходе Русского Севера спившийся священник отец Пётр обретает свое спасение не в религиозной службе и молитве, а в походах по грибы, в которые отправляется со своей собакой.

С точки зрения профессора университета Эмори, Михаила Эпштейна (Mikhail Epstein), в произведениях Пришвина отчетливо выражена «проповедь опрощения», но «онтология бедности» истолковывается им не в экономическом плане – как «нехватка имущества», а в философском аспекте – как «скудость» бытия, детерминированная суровым климатом Русского Севера, в значительной мере определившим «глубинные свойства русского мира» [Эпштейн, 2020, с. 22]. Выраженный в произведениях Пришвина отказ от потребительского, хищнического отношения к природе, выступает в качестве «зеленой альтернативы» индустриальному обществу и экономическому материализму. В последние десятилетия XX в. он отчетливо зазвучит в художественно-философском творчестве В.Г. Распутина и В.П. Астафьева [Эпштейн, 2020, с. 23].

Исследовательница русской «деревенской прозы» профессор Кетлин Партэ (Kathleen Parthé) отмечает, что внимание русских писателей начала XX в. было сосредоточено на урбанистической теме, в то время как деревенская тематика находилась в тот период на втором плане. К исключениям она относит лишь прозу Пришвина и поэзию Есенина [Партэ, 2004, с. 89]. Среди главных кон-

цептов деревенской прозы исследовательница называет понятия «родной», «малая родина» [Партэ, 2004, с. 26], которые, конечно, были значимы и для Пришвина.

Таковыми «родными» местами для него была территория, располагавшаяся в болотных краях Талдома и Сергиева Посада. Впервые он приехал туда в середине 1920-х годов, чтобы написать роман о героическом труде советских мелиораторов, преобразующих торфяные болота в поля. Однако, поселившись здесь, писатель вскоре начал осознавать, что сама идея уничтожения природных торфяников ему глубоко претит, и вместо романа о искусственной переделке природы написал повесть «Журавлиная родина» (1933), в которой воспел красоту природы этого края и его главное достояние – птиц, особенно журавлей.

«С детства мы знали М. Пришвина как автора рассказов о природе и животных, но, чтобы понять “другого Пришвина”, необходимо прочитать его Дневники», – отмечает А.Н. Николюкин, принимавший деятельное участие в изучении и публикации дневникового наследия Пришвина. Писатель вел ежедневные записи на протяжении почти пятидесяти лет – с 1905 по 1954 г. Значение их А.Н. Николюкин видит в том, что «десятки и десятки записей в его “Дневниках”», наряду с документальными зарисовками «Окаянные дни» И. Бунина, «Словом о погибели русской земли» А. Ремизова, «Солнцем мертвых» И. Шмелёва, дневниками М. Меньшикова, М. Волошина и многих других, открывают понимание жизни в Советском Союзе тех лет, где царил мрачная атмосфера «большевистской катастрофы 1917 г.» [Николюкин, 2013, с. 350].

В целом отношения Пришвина с советской властью, резко обострившиеся в 1930-е годы, стали носить очень эмоциональный, а иногда даже болезненный характер, отмечает профессор Корнельского университета Ирина Паперно (Irina Paperno) в статье «Сны террора (Сон как источник для истории сталинизма)» [Паперно, 2012]. Основу этой статьи составляет переработанная и дополненная третья часть ее книги «Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. Опыт чтения» [Paperno, 2009].

По мнению исследовательницы, особенности взаимоотношений писателя с властью явственно передают дневниковые записи, в которых он пересказывает, истолковывает и комментирует

сны, привидевшиеся ему в моменты наиболее острых жизненных ситуаций.

Анализируя записи снов Пришвина в качестве исторических свидетельств и мифопоэтических литературных текстов, И. Паперно, по ее собственному признанию, заимствует герменевтический подход к снам, предложенный З. Фрейдом, хотя и отвергает его стремление рассматривать функцию сновидения исключительно как мечту об исполнении желания. Сны Пришвина анализируются исследовательницей как в дневниковом контексте, так и в контексте событий биографии писателя, известных из других источников. И. Паперно изучает повествовательную и символическую структуру записи сновидений Пришвина, не сводимых исключительно к воплощению их в художественном произведении, акцентируя психологическую функцию: рассказчик снов чрезвычайно остро переживает конфронтацию с самим собой, оказываясь в положении зрителя, как бы со стороны наблюдающего за происходящим [Паперно, 2012].

В октябре 1930 г., вскоре после возвращения со своей «малой родины», Пришвин записал «кошмарный сон», в котором ему привиделся убийца, державший в кармане револьвер, готовый выстрелить. Свой страх из-за возможности быть застреленным он описал в терминах медицины: «общее заболевание», протекающее в «острой форме», «расстройство», мания преследования, – символизирующих коллективный опыт «интеллигенции» – «страх». Сон был навеян обрушившейся на него яростной критикой со стороны «рапповцев», обвинявших писателя в уходе от советской реальности в мир собственных фантазий [Паперно, 2012].

Жизнь на «Журавлиной родине», где спасался писатель, была омрачена многочисленными бытовыми сложностями. Выход из этой ситуации привиделся ему во сне, в котором по небу летали не журавли и не обыкновенные синицы, а прелестные «птиницы», символизирующие образ «летающего автомобиля». «Сказочный предмет», недоступный простому советскому человеку, – автомобиль – уже через три дня после поданного в Совнарком заявления Пришвин получил наяву [Паперно, 2012]. Именно этот сон, по мнению исследовательницы, произвел перемену личностной ориентации писателя: Пришвин записал, что в тот момент, когда сон

сбылся, ему удалось преодолеть «эмоциональную дистанцию» между ним и советской властью.

Летом 1933 г. на пароходе «Анохин» на ударную стройку Беломорско-Балтийского канала направили бригаду советских писателей (А. Авдеенко, А. Архангельский, М. Зоценко, Вс. Иванов, И. Ильф, Вера Инбер, В. Катаев, Л. Леонов, В. Лидин, Д. Мирский, М. Шагинян, В. Шкловский, Е. Петров, Б. Пильняк, А. Толстой, Б. Ясенский и др.). По итогам поездки тридцать шесть писателей подготовили коллективную книгу «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» [Беломорско-Балтийский канал имени Сталина, 1934], на шестистах страницах воспевающую великие преобразования природы и человека. Книга была опубликована в 1934 г.

И. Паперно констатирует, что история строительства канала подробно изучена: стройка осуществлялась заключенными ГУЛАГа, подлежащими «перековке» – перевоспитанию, основанному на психологическом процессе трансформации принудительного труда в желанный. Идею «перековки» проповедовали многие советские писатели, вдохновенно воспевавшие Беломорканал как в художественных, так и в документальных произведениях. Сразу же после триумфального завершения строительства «Беломорско-Балтийского канала» многим участникам этого грандиозного проекта – от начальников до простых рабочих выдали правительственные награды, но вскоре их, как и многих из тех писателей, которые прославляли «перековку» ударным трудом, арестовали и в 1937 г. расстреляли [Паперно, 2009].

Исследовательница отмечает, что Пришвин не участвовал в той поездке. Летом 1933 г., за месяц до экскурсии, он отправился на Беломорканал один. Тот отдаленный северный край был ему уже знаком по совершенным в 1931 г. путешествиям в Свердловск, на строительство Уралмаша, и на Дальний Восток, которые он запечатлел в повести «Жень-шень» (1933). И. Паперно обращает внимание на двойственность его общественной позиции как писателя: воспевая и защищая природу, он был негативно настроен к идее «переделки» окружающей среды, вместе с тем искренне приветствовал усилия, связанные с «преобразованием» человека. В 1933 г. Пришвин по результатам своего путешествия написал очерки «Отцы и дети (Онего-Беломорский край)» и «Соловки», в

которых не осудил карательную политику власти, но все же попытался отразить происходящее в резко контрастных зарисовках.

В годы репрессий начиная с 1936 г. Пришвин беспристрастно констатировал в своем дневнике факты о процессах над членами так называемых террористических группировок. В августе 1936 г. вместо записи он вклеил в дневник вырезку из газеты, в которой сообщалось об исполнении смертного приговора по делу о троцкистско-зиновьевском блоке. Никак не комментируя содержание газетной вырезки, Пришвин записал приснившийся ему через два дня кошмарный сон о крушении гроба с телом его матери, произошедшем напротив семейной усадьбы. В кратких комментариях он, по мнению И. Паперно, истолковывал сновидение как символ происходящего в это время в стране: «родина-мать» «вышла из колеи» [Паперно, 2012].

12 июля 1937 г., в условиях обострившегося сталинского террора, Пришвин вернулся к написанию книги о строительстве Беломорканала, символизирующего процесс глубокой «переделки» природы и человека. При этом он четко осознавал, что в период работы над романом ему придется в первую очередь заняться «перековкой» самого себя [Паперно, 2012].

Параллельно с записями о том, как протекает работа над историко-философской книгой о канале, в дневнике возникает хроника событий другого – бытового – проекта, связанного со строительством кооперативного привилегированного Дома писателей, который возводился в центре Москвы. Пришвин, наряду с другими обласканными властью литераторами, намеревался получить квартиру в этом престижном доме. В августе 1937 г. возделенная квартира была готова, а процесс написания романа существенно затягивался. В сентябре 1938 г. после возвращения с охоты, проходившей на «малой родине», Пришвин записал еще один кошмарный сон – про крыс и «этажи» леса, оставив его, как и предыдущий, без комментариев. Среди ключевых символов этого сна И. Паперно выделяет «ярусы» леса, составленные из человеческих тел, и расчлененные тела, ассоциирующиеся с насилием. Рассматривая дневниковый и биографический контекст этого сновидения, исследовательница обращает внимание на историко-политические ассоциации: 28 января 1937 г., когда в стране проходил очередной показательный процесс над участниками троцкистско-зиновьев-

ского блока, Пришвин записал в дневнике, что в течение всего дня по радио сообщали о том, как на одной из советских фабрик вынесли постановление, согласно которому расстрел надо заменить «четвертованием» [Паперно, 2012].

Другой записанный Пришвиным сон, «об ампутации», также выражает психологическую реакцию писателя на насилие, в которой смешаны противоречивые чувства животного ужаса перед необходимой лечебной мерой – хирургическим вмешательством и надеждой на счастливый исход – выздоровление. Действие сна происходит в мифологическом пространстве леса, которое, как и пространство личной жизни, писатель отчаянно пытается защитить [Паперно, 2012].

Пришвин, прилагая огромные усилия, до конца жизни продолжал писать книгу о канале, завершив ее лишь в 1948 г. как свидетельство своего участия в общественно-политической жизни советского общества. Однако рукопись в силу идеологических соображений была отклонена, что стало для писателя страшным ударом. Внося многочисленные переделки, он продолжал работу над романом до самой своей смерти, последовавшей в январе 1957 г. Книга «Осударева дорога» вышла посмертным изданием в 1957 г.

С точки зрения И. Паперно, «далекие потомки» Пришвина, не имеют права судить его, однако Олег Волков (1900–1992) – писатель, большую часть жизни проведший в гуглаговских лагерях и в ссылке на Севере, вспоминая о своем пребывании в Соловках, где Пришвин побывал в 1934 г., утверждает, «что никто из переламываемых тогда в жерновах ГУЛАГа не вспомнит без омерзения книги, брошюры и статьи, славившие “перековку трудом”. И тот же Пришвин, опубликовавший “Государеву дорогу”, одной этой лакейской стряпней перечеркнул свою репутацию честного писателя-гуманиста, славившего жизнь!» [Волков, 1989, с. 175.]

По мнению отечественного биографа Пришвина Алексея Варламова, «многое зависит от выбора позиции читателя и исследователя, и поэтому воистину у каждого из нас – свой Пришвин» [Варламов, 2003, с. 25].

Стремление дать объективный анализ художественного и дневникового наследия Пришвина, рассматривая его на фоне общественно-политического контекста первой половины XX в., от-

четливо выражено в исследованиях современной американской славистики.

Список литературы

1. *Баран Х.* Поэтика русской литературы начала XX века : [сборник] / авториз. пер. с англ.: Е.А. Сквайрс ; предисл. Н.В. Котрелёва ; общ. ред. Н.В. Котрелёва, А.Л. Осовата. – Москва : Прогресс : Универс, 1993. – 368 с.
2. Беломорско-Балтийский канал имени Сталина / под ред. М. Горького, Л.Л. Авербаха, С.Г. Фирина. – Москва : ОГИЗ, 1934. – 616 с. – (История фабрик и заводов).
3. *Биллингтон Дж.Х.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры / пер. с англ. С. Ильина, В. Муравьёва, Н. Фёдоровой [и др.]. – Москва : Рудомино, 2001. – 879 с.
4. *Варламов А.Н.* Пришвин. – Москва : Молодая гвардия, 2003. – 546 с. – (ЖЗЛ).
5. *Волков О.В.* Погружение во тьму. Из пережитого. – Москва : Молодая гвардия, 1989. – 460 с.
6. *Николюкин А.Н.* Другой Пришвин : (К публикации Дневника 1937 года). Глава 20 // Николюкин А.Н. Наедине с русской классикой / РАН, ИНИОН, Центр гуманист. науч.-информ. исслед. – Москва, 2013. – С. 344–350.
7. *Паперно И.* Сны террора (сон как источник для истории сталинизма) // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 4(116). – С. 227–267. – URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_ozobrenie/116_nlo_4_2012/article/18882/ (дата обращения: 18.10.2023).
8. *Партэ К.* Русская деревенская проза: светлое прошлое / пер. И.М. Чеканниковой, Е.С. Кириловой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2004. – 204 с.
9. *Эшштейн М.* О типах аскезы в русской литературе // Изобилие и аскезы в русской литературе. Столкновения, переходы, совпадения : сборник статей / под ред. Й. Херльта, К. Цендлера. – Москва : НЛЮ, 2020. – С. 22–46.
10. *Paperno I.* Stories of the Soviet experience : memoirs, diaries, dreams. – Ithaca ; London : Cornell univ. press, 2009. – 285 p. – (Cornell paperbacks). – URL: <https://lib.zlibraries.com/read/stories-of-the-soviet-experience-memoirs-diaries-dreams-kre71d9v1919?hash=2a06704530a5dcff305021e267dda20a> (дата обращения: 18.10.2023).